

Фантазёр, педант, трудолюбив, бесребренник – всё это удивительным образом уживается в профессоре Алексее Кузнецове. Про него говорят: человек своеобразный. Кто-то вкладывает в это слово некий отрицательный намёк на непростой характер, а кто-то, наоборот, тем самым подчёркивает индивидуальность. Сам он против такой характеристики в общении не возражает, считая лишь, что никакой исключительностью не обладает. Дескать, обычный трудяга, рядовой советской и российской медицины.

Полвека (!) профессор А. Кузнецов является учёным секретарём Московского общества детских врачей: занимается организационными вопросами, составляет планы и отчёты, пишет протоколы заседаний. Создал уникальный архив – по его записям можно проследить историю развития не только профессионального общества, но и педиатрии. Причём делает он всё это на общественных началах, не получая ни копейки. Много ли у нас сейчас найдётся таких общественников да ещё со столь солидным стажем!

Врачи старшего поколения помнят его научные статьи, которых опубликовано около сотни, преимущественно по детской кардиологии. А. Кузнецов впервые в Советском Союзе зарегистрировал и описал все компоненты мелодии сердца (по его образному выражению) у детей здоровых и больных ревматизмом. Особо значимым было выявление мезодиастолического шума и его связь с формированием ревматических пороков сердца. Произошло это полвека назад.

Алексее 5 лет (1934 г.)

– В то время у меня уже сложилось убеждение, что как все дети и взрослые отличаются лицами, так и сердца у всех разные анатомически и функционально, – рассказывает Алексей Иванович, – то есть в сердце, как и в других органах, возникают аномалии развития хорд, сосочковых мышц, клапанов, устья аорты и других структур, обуславливающих возникновение разных систолических шумов по тембру, локализации, частотности, амплитуде, форме колебаний, расстоянию от первого и второго тонов и т.д.

Эта точка зрения, обнародованная в начале 60-х годов, вызвала бурное обсуждение и даже неприятие коллег, поскольку противоречила общепринятой, ведь считалось, что есть только два систолических шума – органический и функциональный – а всякие другие, дескать, просто мерещатся Алексею Ивановичу. Однако высказанное в 1964 г. предположение А. Кузнецова нашло подтверждение через 10 лет, когда в практику вошла эхокардиография.

Его идеи, наблюдения зачастую воспринимались современниками как фантазии. Но спустя время подтвердились. Надо сказать, Алексей Иванович особенно не стремился отстаивать свою точку зрения.

Из семейного альбома врача

Мелодия сердца

Детский кардиолог слушал её долгие годы и записывал

А. Кузнецов осматривает ребёнка во время производственной практики

И не потому что не был уверен в собственной правоте или боялся осложнения отношений с коллегами. Скорее воспитание не позволяло. Кстати, от матери ему передана врождённая интеллигентность, а от отца – деловитость. Прадед Алексея Ивановича был купцом второй гильдии. А чтобы выбиться в 1850-х годах – ещё до отмены крепостного права – из крестьян в купцы, нужно было иметь, помимо всех других качеств, пылливый ум.

В медицину А. Кузнецов попал отнюдь не по собственному желанию, а по настоянию матери – уж очень ей хотелось видеть сына врачом. Сам же мечтал стать конструктором самолётов, даже послал запрос в Московский авиационный институт. Педиатрия тоже оказалась случайным выбором. Поступал на лечебный факультет 2-го Московского мединститута, а зачислили на педиатрический. Но сегодня Алексей Иванович об этом не жалеет. Наоборот! Говорит, что очень рад тому! Детская кардиология, которой он посвятил большую часть своей жизни, принесла радость открытия, удовлетворение от сделанного.

Став студентом в 1947 г., усердно учился, занимался в научном кружке, вёл общественную работу. Наиболее ярким воспоминанием этого периода считает визиты в Ленинскую библиотеку, находившуюся неподалёку от общежития на Охотном ряду.

– По студенческому билету туда надо было отстоять очередь по времени около часа, – вспоминает Алексей Иванович, – зато какое удовольствие испытываешь, когда читаешь любую литературу, совсем не обязательную по программе, хотя и это возможно!

Студенческая жизнь не ограничивалась только занятиями. По праздникам проводились вечера отдыха.

Кафедра факультетской педиатрии (1960-е годы)

– Нам пела учащаяся Лена Образцова, этюды Шопена исполнял Наум Штаркман, – рассказывает А. Кузнецов. – На 2-м и 3-м курсах стали выступать наши студенты: гимнасты Саша Мосолов и Геля Рыкунов, грузинские песни исполняли Вахтанг Немсадзе и Афанасий Чоговадзе, на скрипке играла Тамара Михайлова.

Институт окончил с красным дипломом и был распределён в ординатуру в 1953 г. на ведущую в стране кафедру факультетской педиатрии, которой в ту пору заведовала Полина Афанасьевна Пономарёва. Клинической базой кафедры служила Морозовская больница. Спустя 3 года поступил в аспирантуру на этой же кафедре. Ему было предложено освоить новый метод исследования – пле-

тизмোগрафию. Предполагалось по сосудистым реакциям на раздражители найти связь между воспалительным процессом в сердце и

Разговор с учителем – профессором Д. Лебедевым (1951 г.)

нервной системой, выявить ранние, инструментальные признаки ревматизма у детей. Однако исследования желаемого результата не дали. И на очередном кафедральном заседании решено было отказаться от использования пле-

тизмোগрафа. Дальнейшую судьбу А. Кузнецова определила доцент Клавдия Петровна Сарылова (её Алексей Иванович считает своим ангелом-хранителем), заявив на этом же заседании: «А вы знаете, Полина Афанасьевна, – сказала она, обращаясь к заведующей П. Пономарёвой, – что сейчас выступает на передний план фонокардиография. Уже Бакулев (он тогда заведовал кафедрой хирургии, клинической базой которой была Первая градская больница. – В.Е.) получил шведский аппарат «Элема».

И предложила там обследовать детей, больных ревматизмом, врождёнными пороками сердца, пообещав: «Я туда дорогу найду!» И через неделю уже договорилась.

– Вскоре я был в кабинете заведующей отделением функциональной диагностики Л. Фителевой, обсудили детали совместной научной работы. – рассказывает А. Кузнецов. – Но как доставлять больных детей? Выход нашёлся. В институте давали 5 руб. на такси, этой суммы хватало на месяц. Такси от Морозовской больницы до Первой градской стоило 50 коп.

И пошла работа. Он ещё не защитил кандидатскую диссертацию, а его уже назначили ассистентом кафедры (с которой связана почти вся его трудовая биография) и сразу дали под наблюдение ревматологическое отделение в Морозовской больнице, где и проходила клиническая деятельность. Потом она продолжилась в других отделениях. С поликлинической работой Алексей Иванович тоже хорошо знаком. Опыта прибавила поездка на целину в составе медицинского отряда, который и возглавлял. Там

шумах у больных хроническим тонзиллитом. Оказалось, что систолические шумы у них являются следствием аномалий в сердце, а вовсе не хронического воспалительного процесса в миндалинах.

Алексей Иванович занял свою нишу, стал незаменимым. Приобрёл вес в медицинском сообществе. Кстати, он писал рецензию на кандидатскую диссертацию Юрия Вельтищева по модному тогда водно-солевому обмену (от обезвоживания дети раннего возраста умирали). А Вячеслав Таболин был у Кузнецова официальным оппонентом при защите докторской диссертации.

Параллельно с практической шло и педагогическая работа. Им стали интересоваться из других городов, приглашая заведовать кафедрой в Уфу, Архангельск и др. Отказался. Как отказался и от должности заместителя декана педиатрического факультета 2-го Меда. К продвижению по карьерной лестнице не стремился.

Читая лекции студентам, мог позволить себе высказать собственный взгляд на проблему, невзирая на возможность склопотать за это неприятности. Преподавателем был весьма требовательным. Когда нерадивый студент просил поставить «тройку», обещая выучить тему, Алексей Иванович на компромисс не шёл, считая, что будущий врач должен обладать необходимым объёмом знаний, ведь больному не скажешь: «Подожди, я пойду почитаю». Но относился к студентам всегда уважительно. Его бывшие ученики теперь работают во многих уголках нашей страны, да и за её пределами.

Находясь в тени признанных авторитетов, сумел всё-таки сохранить внутренний стержень, остаться самим собой.

– Как ни странно, моя жизнь прошла в борьбе, – говорит профессор. – Однако я не могу сказать, что это была борьба с лицами, которые мне мешали.

Алексей Иванович считает, что врагов у него нет и не было. Есть оппоненты. А они не просто нужны, а необходимы, так как заставляют двигаться вперёд.

Увлечённый работой, забывал обо всём. Она всегда была на первом месте и настолько затгивала, что ни на что другое времени не оставалось. Консультации, лекции, посещение конгрессов, хлопоты в Московском обществе детских врачей заполняли его жизнь. Но однажды её привлекло течение нарушили слова матери. Уже перед смертью (в 80-е годы) сказала: «Имей в виду, что у тебя в роду есть Слепковы, очень незаурядные люди». Она молчала об этом до последнего часа, боясь навредить сыну, ведь Слепковы работали вместе с Бухариным (за что и были расстреляны в 1937 г.). Если б Алексей Иванович знал об этом, его жизнь серьёзно осложнилась бы, могли бы не принять в институт или исключить из вуза как врага народа.

Заинтересовался судьбой Слепковых, которые приходились Алексею Ивановичу троюродными братьями. Затем – другими родственниками. Так появилась родословная. В ней сегодня значится около 250 человек, начиная с 1800 г. Можно себе представить, какой труд вложен!

– А мне это интересно, – объясняет своё увлечение А. Кузнецов.

Он и сегодня не утратил интерес к тому, что происходит вокруг, продолжает находиться в курсе событий, следить за новостями в области медицины и... генерировать идеи, зачастую, прямо скажем, парадоксальные. Нескольким расстроено тем, что фонокардиографию нынче практически ликвидировали, заменив её эхокардиографией.

– Это тоже объективный метод, но менее точный, чем фонокардиография, – говорит Алексей Иванович. – Может быть, к ней когда-нибудь и вернуться.

В нынешнем году Алексей Иванович отметил своё 85-летие, но у него до сих пор сохраняется стремление к познанию и прекрасный слух, видимо, чтоб слышать мелодию сердца.

Валентина ЕВЛАНОВА,
корр. «МГ».